

Яо Лин никогда раньше не чувствовала себя такой ошеломленной. Была ли задумана бабушкой эта сцена как спектакль, или она была настоящей проверкой? Она решила задвинуть эти мысли подальше на данный момент. По крайней мере, она понравилась новой родственнице... Если бы бабушке что-то не понравилось, спектакль мог бы стать настоящим. Яо Лин содрогнулась при этой мысли.

Бабушка держала правую руку Яо Лин в своей и медленно похлопывала по тыльной стороне руки, пытаясь утешить ее:

«Ты еще очень молода и все же уже потеряла свою мать. Это непросто в таком возрасте». -- Затем бабушка также взяла за руку госпожу Ван и соединила обе их руки вместе.

«Отныне вы обе будете настоящей семьей. Настоящие мать и дочь. Яо Лин, я не позволю тебе забыть твою настоящую мать. Если ты хочешь помолиться за нее, ты можешь это сделать. В этом доме больше не нужно чувствовать себя аутсайдером. Я надеюсь, что ты сможешь принять Цзи Ан как свою мать, но принимая её в таком качестве, ты не должна забывать о своей умершей матери. Твоя покойная мать навсегда останется в твоём сердце», – бабушка очень любезно говорила с ней.

«Цзи Ан, я прекрасно знаю о твоём горе. Ты всегда хотела детей. Теперь Яо Инь и Яо Лин становятся вашими с Ло Хаем детьми. Я также надеюсь, что вы обе сможете принять друг друга. Яо Инь будет занят с Ло Хаем, а Яо Лин будет дочерью для тебя. Разве ты не согласна, Яо Лин?»

Это было похоже на простой вопрос от добросердечной бабушки, но смысл был ясен. Вскоре они собираются стать матерью и дочерью. Как невестка, Яо Лин должна быть тем, кто будет заботиться о мадам Ван. Она должна выполнять обязанности дочери! Предупреждение было твердым и четким.

По мнению Яо Лин, жизнь людей высшего класса была действительно утомительной. Если они хотели предупредить кого-то, они должны были обратить внимание на это элегантно, и предупреждение было скрыто глубоко между словами. Почему бы просто им не поговорить открыто?

Поведение крестьянина было довольно простым. Если им что-то нравилось или не нравилось, тогда об этом говорили открыто, не пытаясь вас запугать или запутать. Бабушка сказала, что ей нравится Яо Лин на словах, но все еще ощущалось скрытое недоверие. Это заставляло Яо Лин ломать голову, но что еще она могла сделать?

«Конечно, бабушка», – Яо Лин ответила старой госпоже Ван с улыбкой. Затем она повернулась к мадам Ван: «Мама, не волнуйся. Я постараюсь вас не разочаровать. Если у меня что-то не будет получаться, пожалуйста, научи меня, мама».

Яо Лин была дочерью крестьянки и не имела достаточных знаний об этикете. Она надеялась, что вторая мать пока не станет обвинять ее в этом.

Яо Лин не стеснялась своего происхождения. Она была крестьянкой, и она не могла стереть свое прошлое. Если бы ей было стыдно за это, разве это не означало бы, что она также стыдилась Цзю Лань? По мнению Яо Лин, они уже знали об этом до того, как она стала приёмной дочерью, поэтому они также должны принять ее прошлое. Не нравится - не ешьте!

Но она также должна была сначала принять эту часть, чтобы позднее они не укоряли ее, если она в чём-то из этих правил ошибётся. Тьфу! Сдерживаться... сдерживаться... ей пришлось

сдерживать себя.

«Улыбаться... улыбаться... не забывай улыбаться», – Яо Лин напомнила это себе.

Бабушка и госпожа Ван посмотрели друг на друга. Они знали, что эта маленькая девочка пытается улыбнуться. Но ее улыбка на самом деле была очень жесткой и страшной. Они знали, что могут нажимать на кнопку управления девушкой, и не могли не смеяться вслух. Да, их сочувствие сошло на нет, и прозвучал дружный смех.

Яо Лин перестала улыбаться и смущенно посмотрела на них. Она спросила: «Почему вы обе смеетесь?»

Бабушке и госпоже Ван даже пришлось вытирать слезы. Просто смех, и наконец... напряжение исчезло. Мадам Ван, наконец, ответила: «Не буду скрывать правду. Сначала мне очень не понравились ты и Яо Инь. Это не имеет ничего общего с вашим крестьянским происхождением. Вы оба просто появились непонятно откуда и завоевали благосклонность Ло Хая всего за три месяца. Я была почти уверена, что у вас обоих плохие намерения и вы посланы кем-то, кто может оказаться нашим врагом. Но... кажется, я ошибалась».

Яо Лин не знала, что ее смешные гримасы только сейчас действительно успокоили их разум. Если бы Яо Лин была кем-то, кого послал их недоброжелатель, то она бы не сделала такого. Яо Лин вообще никак не действовала...

«Враг? У отца есть враг?» — с любопытством спросила Яо Лин.

Госпожа Ван отмахнулась от своего вопроса: «Не беспокойся пока об этом. Рано или поздно ты узнаешь об этом. Знаешь, почему мы засмеялись над тобой сейчас?»

Яо Лин покачала головой.

«Твоя улыбка только что была слишком страшной! Страшно было представить, что ты никогда больше не улыбнешься обычной улыбкой!» – матриарх объяснила ей, смеясь.

Рот Яо Лин слегка дернулся. Страшной? Она пыталась элегантно улыбнуться, но оказалось, что это выглядело страшно? Ей хотелось плакать.

Мадам Ван погладила ее по голове, утешив ее: «Все в порядке. Меня не волнует ваше прошлое. Крестьяне вы или нет, ты теперь мое дитя. Не думай слишком много и просто води себя как обычно. Действительно... Это было странно! Твоя улыбка казалась такой злой...»

Злой?! Действительно злой? Она думала, что великодушная мадам Ван была настолько любезна, что утешала ее, но все равно чуть поддразнивала. Но по-настоящему... для Яо Лин это было большим облегчением.

Бабушка также добавила: «Да! Это первый раз, когда я смеялась так долго! Я никогда раньше не видела такого выражения».

«Бабушка, а-х-х-х, вы тоже дразните меня». – Яо Лин могла только краснеть от смущения.

«Не беспокойся об этикете. Этому можно научиться. Я дам тебе в помощницы Чжан Мо Мо. Она моя доверенная служанка, и она будет учить тебя шаг за шагом», – сказала бабушка сквозь слезы.

Что еще могла сделать Яо Лин? Только кивнуть.

По крайней мере, после этого они проще было общаться друг с другом и стали ближе.

<http://tl.rulate.ru/book/23281/1648605>